

Елена Кучеренко

КАК
Я ВЫХОДИЛА
ЗАМУЖ

Рассказы

Елена Кучеренко

Как я выходила замуж. Рассказы

«Издательство Сретенского Монастыря»

2017

УДК 821.161.1-322.2Кучеренко
ББК 84(2=411.2)6-44

Кучеренко Е. А.

Как я выходила замуж. Рассказы / Е. А. Кучеренко —
«Издательство Сретенского Монастыря», 2017

ISBN 978-5-7533-1401-7

Автор книги — москвичка, выпускница театроведческого факультета ГИТИСа, мама пяти дочек. Елена Кучеренко описывает свой приход к вере, радости неофитства и проблемы воцерковления, трудности и соблазны христианской жизни, ее счастливые эпизоды. Она повествует и о том, как живут и трудятся, рождаются и умирают, любят и растят детей ее близкие, друзья, знакомые. С ироничными зарисовками и забавными историями соседствуют щемящие душу драмы. Рассказы будут интересны читателю, ценящему живой слог, интересный сюжет, юмор и возможность задуматься над прочитанным. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-322.2Кучеренко
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-7533-1401-7

© Кучеренко Е. А., 2017
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2017

Содержание

Как все начиналось	6
Наш дурдом на выезде	6
Как я выходила замуж, или Моя Ксения Петербургская	16
Мое первое рождество	19
Отец Евгений и его чада	23
Другой мир	23
Жизнь смешного человека	25
Гарна дивчина и Питер Бабангуда	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Кучеренко

Как я выходила замуж

Как все начиналось

Наш дурдом на выезде

Обожаю неофитов! Этих кристально чистых, наивных, искренних и абсолютно счастливых людей. Больших детей. Как малыш, только вставший на ноги, изо всех сил рвется к маме, захлебываясь от любви, падая, набивая шишки, вставая и опять падая, так и неофит. Открыв для себя новый удивительный мир, он сломя голову несется к Богу, круша все на своем пути, лишь бы залезть на руки, прижаться и быть с Ним всегда...

Удивительное время, неповторимое церковное детство, когда все просто. Черное – это черное, а белое – белое. Когда любовь к Богу, горячая и бескомпромиссная, хлещет изнутри фонтаном и заливает всех без разбора. Когда ничего не знаешь, не умеешь и ведешь себя как дурак, но хочешь поделиться со всеми своим счастьем. Когда душа горит, как не будет гореть больше никогда. И так легко и радостно молиться. И Господь слышит эти молитвы. А на каждом шагу нас ждут открытия, откровения и чудеса.

Не ругайте неофитов за их глупости, а лучше улыбнитесь. Как улыбаются, рассматривая альбом со своими детскими фотографиями, когда вы сами еще были смешны и нелепы. Теперь вы выросли, стали степенны, смиренны и мудры. Повзрослеют и они, поверьте. Детство быстро проходит, и церковное тоже.

Мы с друзьями любим собраться вместе и вспомнить эти счастливые времена – наш приход в храм.

Одни, уверовав горячо и истово, вынесли из дома на помойку всю классическую литературу, музыкальные диски и кассеты, а также компьютер, телевизор и радио. А потом, намолившись до умопомрачения (ведь это и есть христианская подвижническая жизнь), сидели в пустой квартире и думали, чем бы заняться.

Другая новоиспеченная семейная пара решила подражать Иоанну Кронштадтскому и жить как брат с сестрой. «Изживаем из себя страсть и похоть», – поясняли они. Продержались год. А потом в очень короткое время родили шестерых детей и останавливаться не собираются.

Я росла в обычной советской семье. Мои родители не были верующими людьми. И Бог тогда в моей жизни просто отсутствовал. По крайней мере, я о Нем ничего не знала. Помню только, как лет в двенадцать дедушка собрал нас, внуков, и скопом крестил в каком-то храме города Краснодара, куда меня отправляли каждое лето на каникулы. Вот, наверное, и все.

Окончательно пришла я в храм уже взрослым человеком, мне было за двадцать. И мой личный период неопитства был горяч и необуздан.

«Ты просто подарок для психиатра, – говорила тогда обо мне одна моя подруга-театралка. – Дурдом на выезде! А вообще классный типаж! На сцене такой заценили бы».

Началось с того, что я доказывала верующему мужу моей подруги, что Бога нет, а сам он, этот муж по имени Александр, – мракобес и эксплуататор, ибо утверждает, что мужчина – глава семьи, а «жена да убоится». И религиозный маньяк.

«Дурдом», – думала я, как потом та моя подруга-театралка обо мне, сидя у Саши с женой в гостях и глядя, как он молится и крестит еду, себя, а иногда и меня – в моменты моей особо вдохновенной атеистической пропаганды.

Александр работал психологом в православном центре на одном московском подворье, где лечат наркоманов, алкоголиков и пострадавших от оккультизма.

В тот день у них дома я познакомилась с его коллегой. Сейчас он уже диакон, отец шестерых детей и крестный нашей второй дочери Сони. А тогда был просто Славой и, так же, как и Саша, «стремным, бородатым и крестящимся типом».

Помню, Александр заварил для нас какой-то особенный вкусный чай, который «очень любят у нас на подворье». После двух чашек я почувствовала странное опьянение. Предметы поплыли у меня перед глазами, а я сама начала туго соображать. В этом странном состоянии я еле добралась до дома и завалилась спать.

На следующий день, придя в институт с отеком лица и страшными головными болями, я рассказала той самой подружке-театралке о моем вчерашнем чаепитии.

«Наверное, они туда что-то подмешивают наркотическо-гипнотическое, – предположила она. – Опаивают нормальных людей, чтобы те становились такими же, как они, – религиозными маньяками. Тоже мне, наркологи. Ты больше не пей».

Саша изворачивался и оправдывался, утверждая, что чай был самый обычный, только с чабрецом. Я не верила, нападала и угрожала. А через несколько лет, купая одну из своих дочерей в ванночке с чабрецом (доктор прописал), почувствовала все то же самое. Оказалось, что эта травка – единственное, на что у меня аллергия, даже на запах.

Удивительно, но эта история наших отношений не испортила, и вскоре я с Александром и его женой попала на то самое подворье, где он работал. Зашла просто ради любопытства.

– А мы тебя давно ждем, – радостно сказал его коллега Слава, который тоже там был.

– Странно, – удивилась я. – Я же не из ваших... этих самых... маньяков.

– Да ладно, такие, как ты, как раз из наших, – улыбнулся он.

Я недоверчиво пожала плечами, и мы отправились на службу. Они – потому что «маньяки», а я – за компанию.

И да! Я оказалась из этих самых – из «маньяков». Я открыла для себя абсолютно новый, прекрасный мир, где любитесь и дышится, где душа поет и хочется делать что-то такое... Такое... Не ясно пока, что, но нужно показать всему миру и Богу, что я тоже «верую и исповедую».

Как человек увлекающийся и идущий во всем до конца, я в одночасье сменила свою модную одежду на длинную черную юбку и старую мамину шаль, которой гордо повязала голову, благо была зима. И естественно, купила метровые плетеные четки и большой молитвослов, который с озаренным видом читала в метро. Выглядела я как средневековая странница и очень гордилась, когда на улице меня иногда спрашивали любопытные незнакомцы, не из монастыря ли я. В ответ делала неопределенный жест рукой, по которому сложно было понять – да или нет. Но ясно было одно – особа я не простая, а, мягко говоря, высокодуховная.

Правда, вскоре меня немного отпустило, ведь нужно было как-то выходить замуж, чего я очень хотела. Выглядеть я стала более прилично, но все же в рамках православного стиля с его

различными атрибутами. Я постилась, молилась, ходила на службы и в церкви вела себя как своя, периодически сталкиваясь у подсвечников с «конкуrentками» – местными бабульками.

Я перестала смотреть телевизор и, пыхтя от возмущения, выключала его перед носами чинно сидящих на диване домашних.

– Лучше бы правило вечернее почитали, – твердила я им. – С чем перед Господом предстанете? В Царствии Небесном телевизоров не будет. Хотя где вы, а где Царствие Небесное!

– Леночка, это же просто новости, – робко возражала моя интеллигентная мама.

– Ну-ну, – презрительно кидала я через плечо. – Первая антихриста и увидишь. По новостям.

Я восторженно постилась, укоризненно жуя листья салата, пока мои грешные сродники поедали котлеты. И по средам и пятницам скрупулезно изучала состав всех потребляемых продуктов – а вдруг там, упаси Бог, сухое молоко или яичный порошок.

А еще я мечтала поделиться радостью постнической жизни со своими домашними, не имеющими к Церкви никакого отношения. За ужином, самозабвенно хрустя своей травой, я рассказывала им о геенне огненной и адских муках для таких невоздержанных, как они.

– Вот ты ножку куриную грызешь... вкусно, да? – коварно обращалась я к недавно вернувшейся с работы, но успевшей приготовить ужин маме.

– Вкусно, – улыбалась она.

– А сегодня ведь среда. А знаешь, что старцы говорят? На каждом кусочке мяса, съеденном в пост, сто бесов сидят. Думаешь, ты курицу ешь? Нет, ты бесов глотаешь, и они у тебя внутри кишат... А еще смердят...

Мама с опаской глядела на ножку, с еще большей опаской на меня, и аппетит, к моей радости, у нее отбивало напрочь.

Я начала посещать лекции отца Даниила Сысоева. Служил он в то время и проводил свои беседы на том самом подворье, где работали Саша со Славой.

Батюшка увлеченно рассказывал о Священном Писании. Я, как человек неподготовленный, ничего не понимала и не знала, чем Ветхий Завет отличается от Нового, а всенощная – от литургии. Но мне очень нравилось находиться среди этих прекрасных людей – суровых бородатых мужчин и смиренных женщин в платках.

Больше всего я любила пить вместе со всеми после занятий чай (без чабреца, конечно) за чинной благочестивой беседой в старинной холодной каменной палате, приспособленной под кухню. Я чувствовала себя частью чего-то большого и важного.

Еще я запомнила, как отец Даниил, будучи из семьи священника, рассказывал, как в детстве его вызывали в школе к доске и всячески ругали за то, что он верующий и не хочет вступать в пионеры. А он представлял себя мучеником и очень гордился. И я тоже мечтала исповедовать, страдать и радоваться...

* * *

Моя первая православная весна! Все мне казалось высшим знаком и Божьим чудом. Я отправилась с паломниками в мою первую поездку – по Подмоскovie и близлежащим областям. Была суббота накануне Вербного воскресенья. Хорошо помню какую-то восторженную суету, которая мне, начинающей верующей, очень нравилась. В автобусе мы все время пели акафисты. Потом, на остановках, куда-то бежали, никуда не успевали – даже в туалет. Возвращались в автобус и опять пели.

Мы побывали в нескольких храмах Переславля-Залесского, в Годеново. На источнике, где я впервые в жизни окунулась. Хотя боялась смертельно.

В памяти четко отложились две вещи. Девушка, которая ныряла передо мной и у которой от ледяной воды прокручивались, как мне показалось, на 180 градусов глаза. И древняя,

неможная, трясущаяся старушка, которую привели под руки две дочери (или внучки). Подойдя к краю, она резко выпрямилась и, с громким «Эхх» перекрестившись, самостоятельно и очень браво погрузилась три раза. И после нее мне уже было стыдно давать задний ход.

На всенощную мы попали в Никитский монастырь. И монахи раздали всем веточки вербы. И мне тоже. Трепетно и бережно я привезла веточку домой и поставила в воду. А через некоторое время верба пустила корни, и на ней распустились маленькие зеленые листочки.

Я с упоением рассказывала всем об этом «явленном мне, грешной и недостойной», чуде и видела в листочках некий указующий перст. Правда, на что он указывает, «от меня было сокрыто». Но ведь известно, что в духовной жизни ничего просто так не бывает, тем более что одна моя знакомая сказала, что вербы очень прихотливы и абы где корни не пускают.

Жертвой моих восторгов пал и психолог Александр (тот самый, напоивший меня чаем с чабрецом), ставший с недавних пор моим кумиром. Более того, сейчас он еще и крестный нашей старшей – Варвары.

После многократных рассказов о чуде и указующем персте он, видимо, сделал какие-то свои психологические выводы и предложил мне посадить веточку у них на подворье рядом с храмом. И пообещал каждый день поливать. «Нет-нет. Не переживай. Благодать из квартиры никуда не уйдет», – успокоил он меня.

В ближайший свободный день я поехала со своей чудо-вербочкой на подворье. В метро как раз был час пик. Какому-то мужчине не повезло, и толпа уронила его прямо на меня. Падая, он зацепил веточку и чуть ее не сломал.

Увидев такое вопиющее неблагоговение, я кинулась на защиту моей святыни.

– Она же из монастыря, ты че, совсем? – кричала я на весь вагон. – Смотри, куда падаешь, коз!.. Ах, не виноват?!

– Простите-простите, – бормотал он.

Но мою любовь ко всему святому было не победить никакими извинениями. Я еще долго потрясала кулаками и выкрикивала разные «православные» лозунги, перемежая их вполне современной и всем доступной лексикой. И даже пыталась драться, благо мужичок попался тихий и миролюбивый и лишь удивленно ставил блоки.

В итоге побежденный мужчина скрылся за спинами пассажиров, которые также отодвинулись от меня, наконец-то «благоговейно» освободив вокруг нас с вербочкой пространство. И только одна, видимо, очень уж далекая от Церкви дама задумчиво пробормотала, глядя на меня: «Сумасшедшая какая-то...»

Но парировать я не успела. Двери вагона открылись на нужной мне остановке, и я вышла с гордо поднятой головой, неся перед собой спасенное от нехристей сокровище.

Мы с Александром посадили вербу прямо рядом с храмом, как он и обещал. Естественно, перекрестили и полили святой водичкой. И знаете, как ни странно, она прижилась, и сейчас это чудное молодое деревце. Честное слово.

А через пару недель я отправилась в Оптину пустынь, также с паломнической поездкой. Туда я помчалась, прочитав книгу Нины Павловой «Пасха красная». Забегая вперед, скажу, что потом этот монастырь станет мне родным и мы с мужем, которого в то время даже не было на горизонте, совершенно чудесным образом купим недалеко от обители маленький домик. Но об этом я расскажу позже.

А пока моя первая поездка туда... Помню ту же суету, акафисты и стену людских спин на службе. Был воскресный день и, соответственно, море верующих. Чудом пробилась я к свечному ящику и подала записки. А потом отправилась на могилки иеромонаха Василия, иноков Трофима и Ферапонта, убитых в 1993 году насельников монастыря, о ком, собственно, и была та книга и к которым мне так хотелось попасть.

В то время еще не было часовни, поэтому я просто сидела на монастырском кладбище на лавочке и рассказывала мученикам о том, что очень хочу замуж. Тогда это у меня была идея

фикс. А в книжке было написано, что они хоть и не прославлены, но творят чудеса. Я даже написала записку и оставила там, чтобы они не забыли, – я же не одна такая.

Я набрала в мешочек земли с могил. Плохо понимала зачем, но слышала, что она помогает. Она и сейчас у меня есть. А тогда, помню, я очень напугала этой землей мою маму, сказав, что она с кладбища.

В этом монастыре со мной случилось мое первое настоящее чудо (не считая вербочки, конечно). Точнее, – второе. Первым было то, что я вообще оказалась в Церкви. Вся моя предыдущая жизнь и умонастроение могли предвещать что угодно – от добычи руды в шахте и выступлений в цирке до полетов в космос, – но только не это.

Служба закончилась, и я зашла во Введенский храм. Народу было мало, я спокойно купила свечи и поставила одну у иконы целителя Пантелеимона. У меня тогда болел раком отец.

Неожиданно ко мне подошел какой-то странный мужчина – бородатый, в телогрейке, высоких сапогах и с «просветленным» взглядом подвижника первых веков христианства.

– Смотри, как твоя свечечка наклонилась, – сказал он. – Живешь ты плохо, надо что-то делать.

Не согласиться было сложно, жила я действительно, мягко говоря, неважно.

– Тебе нужно взять маслица от этой иконы, – сказал в итоге мужчина и указал на Пантелеимона. – Пригодится, вот увидишь. И детей своих еще будешь мазать.

– Да у меня и мужа-то нет, – возразила я.

Но незнакомец уже тянул меня к какому-то монаху за благословением на взятие масла из Пантелеимоновой лампадки, а потом к свечному ящику – за пузырьком. Чудак чудачком. Но...

Через какое-то время мой отец был уже при смерти. Врачи сказали, что анализы его несовместимы с жизнью. Он буквально разлагался изнутри, но в больницу ложиться не хотел. К нам домой приходила медсестра делать уколы, а в квартире стоял страшный, непередаваемый запах.

Тогда-то я и рассказала моей маме о странном мужике и пузырьке с маслом от иконы целителя Пантелеимона. Мама капнула немного маслица отцу в рот.

«Скажите, а где запах?» – удивленно спросила медсестра, навестившая нас на следующее утро. Вскоре отец повторно сдал анализы – они были хорошими. Он прожил еще какое-то время...

Пройдут годы, я с семьей буду часто ездить в Оптину пустынь и сделаю открытие, которое меня потрясет.

Несмотря на то что я и Оптину очень полюбила, и почитала старцев, и со мной там случались удивительные истории, я никогда не удосуживалась запомнить, когда же дни их памяти. И буквально недавно я наконец-то поняла, что Собор преподобных старцев Оптинских – 24 октября. Двадцать четвертого октября! Это день рождения моего отца. Он, благодаря оптинскому маслицу, которое меня буквально заставил взять чудаковатый мужик, на время вылечился от рака. Пусть не навсегда, но все же. А потом исповедался и причастился. Впервые в жизни. Благодаря милости Божией и помощи моих любимых оптинских святых, которые сделали ему такой подарок. Говорят же, что у Бога случайностей не бывает. А их и правда не бывает...

Детей своих, как предсказывал мужик в телогрейке, я этим маслом не мазала. Потому что потратила все на мой беременный живот – вскоре я вышла замуж.

Врачи все девять месяцев пугали какими-то диагнозами и выкидышами. Но наша Варя родилась в срок, хорошей и здоровой девочкой, спасибо святому Пантелеимону. И кстати, наша средняя дочь Соня появилась на свет как раз 9 августа – в день памяти святого целителя.

* * *

В том же паломничестве я познакомилась с одной очень благочестивой пожилой женщиной. Она ехала в нашем автобусе и самозабвенней всех пела акафисты.

– Раба Божия Фотиния, – представилась она.

И отчество у нее было какое-то необычное: то ли Аполлоновна, то ли Альфонсовна, то ли Альфредовна. Не вспомню уже, пускай будет Аполлоновна.

В храм она попала ненамного раньше меня, но, на мой восхищенный взгляд, уже достигла удивительных духовных высот.

Несмотря на солидный возраст, у нее была длинная девичья коса, перевязанная ленточкой, а платок она не снимала даже ночью (ибо «в чем Я застану вас, в том и буду судить»). В лексиконе у нее почти полностью отсутствовали светские выражения, и изъяснялась она исключительно высоким церковным штилем. Молилась раба Божия Фотиния громче всех, и не просто, а с красивыми витиеватыми подвываниями. А еще постоянно брызгала вокруг себя святой водой, и для каждого у нее находилось ценное душеполезное поучение.

Несмотря на свою недолгую церковную жизнь, Аполлоновна уже успела пострадать за Христа. Она рассказала об этом в первые же минуты нашего паломничества.

Выразилось это в том, что на работе ей пригрозили принудительным лечением, если она не уйдет на пенсию. Причина же всего крылась в том, что...

– ...вместо того, чтобы заниматься всякой ерундой, я в первой половине рабочего дня читала Псалтирь, а во второй – Евангелие и Апостол, – гордо объяснила она. – И кропила всех этих нехристей вокруг.

В общем, авторитет Фотинии среди других паломников был настолько велик, что когда кто-нибудь замечал ее приближение, тут же передавал по цепочке: «Шухер! Коса!» Все кидали свои душевредные дела – мобильные телефоны, бутерброды и т.д. – и утыкали носы в молитвословы. Потом следовала команда «Отбой!».

В ту поездку мы с Фотинией сблизилась на почве нашего религиозного фанатизма, и она пригласила меня отдохнуть летом в Крыму с ней и ее пятилетним внуком Славиком. (Это было давно, когда туда еще можно было добраться на поезде.) Родители ребенка, видимо, на тот момент еще не оценили всю степень бабушкиного воцерковления (жили они на разных концах города и виделись нечасто) и с радостью отпустили с ней малыша. А я почла за честь совершить еще одно совместное путешествие с моей благочестивой знакомой.

Хозяйка домика, где нам предстояло остановиться, была мамой священника, так что полное «православие» на отдыхе нам было обеспечено.

Всю весну мы созванивались, делились духовными достижениями и впечатлениями. А мне было что рассказать. Я все чаще исповедовалась, причащалась и даже начала понимать то, что объяснял на своих лекциях отец Даниил Сысоев.

В Крым мы ехали в плацкартном вагоне. Это, кстати, был мой первый подобный опыт – до этого я ездила только в купе. Но Фотиния сказала, что купе и духовность – две вещи несовместные. Нужно быть скромнее и смиреннее.

Как водится, по поезду ходили продавцы всяких разностей. Один приветливый паренек, торговец детскими книгами, увидев Славика, с улыбкой протянул «Золотой ключик».

Желая усугубить приятные чувства, которые питала ко мне Фотиния, я решила сделать мальчику подарок, взяла книжку и полезла за кошельком.

– А благословение у вас есть?! – вдруг грозно выпалила моя сестра во Христе, выхватив у меня из рук «Ключик».

Парень с недоуменной улыбкой уставился на нее.

– Ну, кто вас благословил распространять здесь литературу?!.

В проходе показались люди, заинтересовавшиеся происходящим. Продавец показал пальцем на ухо, давая понять, что он глухонемой. Но было видно, что он почуял неладное.

Решив во что бы то ни стало донести свою мысль, Фотиния начала энергично крестить книги и глухонемого, периодически разводя руки в стороны и делая вопросительное лицо.

Тут до Славика дошло, что красочная книжка, счастливым обладателем которой он должен был стать, уплывает. Он заревел в голос и начал хватать бабушку за рукав. Женщина, отталкивая внука, продолжала свою жестикуляцию. Зрители, которых вокруг нас собралось уже много, смеялись, а у продавца было такое лицо, что я испугалась, что он сейчас заговорит.

– Нет у него никакого благословения! – рявкнула подоспевшая проводница и, схватив парня за шкуру, протолкнула его дальше по вагону. – Расходимся, расходимся, пассажиры, антракт! А вы ребенка лучше успокойте. Вместо того чтобы руками здесь махать.

В общем, в этом паломничестве у нас с самого начала что-то не задалось. Последующие полчаса Фотиния пеняла мне за неосмотрительную попытку приобрести неблагословенный «Золотой ключик». А у меня в голове то и дело мелькала крамольная мысль о том, что изменилось бы в его содержании, если бы благословение у глухонемого все же было. Но высказать ее вслух я побоялась...

Приближался вечер. Под успокаивающий стук колес наша идиллия была восстановлена. Славик радостно хрустел вафлями, которые в награду за страдания выдала ему бабушка. Сама Аполлоновна что-то ловко вязала, а я изучала фотопутеводитель по православным святыням Крыма.

И тут, положив на стол работу, Фотиния решительно произнесла:

– Ну что, за правило?

Я послушно полезла в сумку за молитвословом и, достав, стала про себя читать.

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... – торжественно и громогласно раздалось у меня над головой.

«Нет, нет, только не это», – трусливо подумала я.

– Царю Небесный, Утешителю, Душе истины...

В проходе опять показались зрители. Я умоляюще подняла глаза на Аполлоновну. Властным жестом она приказала мне встать рядом. Я вцепилась в полку. Любопытные пассажиры ждали, что будет дальше.

– И очисти ны от всякия скверны... – с явной угрозой в голосе произнесла Фотиния.

Сосед с боковой полки сочувственно мне улыбнулся.

– Что-то живот... – нашлась я и выскочила в проход.

– И спаси, Блаже, души наша, – презрительно летело мне вслед.

Все вечернее правило, которое в голос и с раздражением читала моя попутчица, я малодушно простояла в конце вагона, делая вид, что меня это не касается, и заинтересованно глядя в окно. Периодически до меня доносились пожелания пассажиров: «А можно потише?» и «Лечиться надо». А в сердце у меня нарастала тоска.

Я вспомнила, что Христос сказал: «Кто Меня постыдится, того и Я постыжусь». Думала об отце Данииле Сысоеве, который с детства мечтал быть мучеником. И чувствовала себя предательницей веры.

С этого момента отношение ко мне Аполлоновны стало неуклонно меняться в худшую сторону. Однако это не мешало ей вручать мне почти ежедневно в Крыму Славика и отправляться по каким-то своим очень благочестивым делам. Хотя, если честно, дел у нее хватало и по месту нашего жительства.

У нашей хозяйки, мамы священника, были достаточно большие «угодья». Помимо ее собственного дома на участке стояло еще несколько «избушек» поменьше и вообще крохотных, но весьма комфортных «сарайчиков». Пользовались все одной большой общей кухней. А столовая выполняла еще и функции помещения для релакса – там стоял телевизор.

Матушка (так называла хозяйку Фотиния) оказалась весьма неразборчива в выборе клиентуры, так что рабе Божией Аполлоновне было кому нести свою проповедь. Но начать она решила, естественно, с меня.

Первым делом она шокировалась моими шортами, которые я надела, собираясь на пляж, назвав их развратом и непотребством. Пришлось облачаться в длинную юбку. А потом в ужасе шарахнулась от моего купальника.

Честно говоря, как образцовый религиозный маньяк, я долго сомневалась, по-православному ли это – ходить на пляж. И даже обратилась к одному батюшке за разъяснениями. Он, посмеявшись, погладил меня по голове за рвение и благословил «позагорать и понырять и за него», а то он уже лет десять не был на море...

Сама Фотиния плавала в длинной белой рубаше, крестясь на все четыре стороны, когда заходила в воду.

На следующий день я встала пораньше и малодушно сбежала на море одна. Накупавшись в свое удовольствие, я вернулась и застала Фотинию в релакс-комнате – она громко диктовала названия грехов Ирине Ивановне, тихой и интеллигентной пенсионерке, также приехавшей сюда на отдых. Пожилая женщина обреченно и кротко записывала: «Согрешила блудными помыслами, блудом как таковым, нескромными действиями, крашением лица...»

Позже мне рассказали, что в то утро, прочитав, как водится, во весь голос утреннее правило, Аполлоновна решила заняться проповедью покаяния среди обитателей нашего дворика. Но все как-то быстро испарились. «Отмазаться» от насильственного воцерковления, в силу своей интеллигентности, не смогла лишь Ирина Ивановна – женщина, относящаяся к Церкви уважительно, но никогда не переступавшая ее порога.

И вот уже Фотиния готовила кроткую пенсионерку к ее первой исповеди, которую назначила на послезавтра, диктуя все проступки, в которых, по ее мнению, та была повинна, подробно все растолковывая.

Весь отпуск Аполлоновна самоотверженно следила за всеобщей моралью и нравственностью, яростно выключая в столовой телевизор, если его кто-то смотрел: «В Москве борешься-борешься, приезжаешь на море отдохнуть душой и телом, и на тебе – то же самое».

Она учила всех семейных воспитывать детей так, чтобы они «возрастали в духе», а не бегали нецеломудренно голяком по пляжу и не смотрели мультик про Лунтика, потому что он не кто иной, как лунный бес с четырьмя рогами.

«Чокнутая», – с оттенком даже какого-то восхищения говорили о ней наши «коллеги по отдыху».

Пока же Фотиния всем этим занималась, ее внук Славик был предоставлен мне, а больше – сам себе, потому что я все чаще сбегала куда-нибудь. В итоге он сломал в хозяйских «угодьях» все, что можно было сломать, и даже отравил (к счастью, не насмерть) хозяйского пса, подсыпав ему в корм стиральный порошок.

Когда подошел день нашего отъезда, все были несказанно счастливы. Включая хозяйку, которой Аполлоновна высказала претензию по поводу испорченного неблагочестивой публичкой отдыха.

Со мной Фотиния не общалась, более того, она теперь считала меня своим идейным врагом, потому что у меня не хватило духу поддержать ее бесборческую деятельность. Деятельность, которой я сама, между прочим, счастливо и вдохновенно предавалась в Москве. Однако здесь, в Крыму, при взгляде со стороны и более тесном общении, она оказалась какой-то очень уж симптоматичной.

В общем, было как-то тоскливо.

Вечером накануне нашего отбытия к хозяйке приехал ее сын, отец Иоанн. Видимо, матушка на нас нажаловалась, потому что он предложил мне прогуляться и почему-то стал

рассказывать о себе. Он, оказывается, тоже когда-то боролся с кишасщими бесами, прущими из телевизора, и искал в составе печенья сухое молоко. А еще «мочил» баптистов...

Было это в первые годы воцерковления простого украинского хлопца Вани. Они с друзьями выпили пива (благо был какой-то церковный праздник, а где елей, там и вино, а где вино, там и пиво) и отправились на богословские споры в молельный дом. Поход этот закончился «стенкой на стенку» двух христианских «группировок» и приездом милиции. Дальнейшая беседа на евангельскую тематику проходила уже в «обезьяннике».

Здорово же влетело Ивану с друзьями от местного батюшки, который приехал выручать своих неразумных чад. За баптистскими хлопцами также явился их пастырь, и на пару с отцом Василием (так звали батюшку) они убедили милицейское начальство, что это «в самый последний раз».

Потом у будущего отца Иоанна была армия, где пьяный сержант отбил ему почки за отказ снять крестик, потом семинария, принятие сана и служба на маленьком бедном украинском приходе.

Много чего он рассказывал, и тогда-то я узнала, кто такие неофиты. И услышала вещи, о которых до этого не задумывалась. Хорошо запомнились слова: «Понимаешь, Господь же Сам сказал: “По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою”. Представляешь? Даже не по тому, как мы молимся, постимся, в чем ходим... Хотя это тоже важно».

А Фотиния, как я потом узнала, с ним поговорить отказалась.

В тот вечер я вернулась в наше поселение, твердо веря, что теперь-то все понимаю. А главное, я решила, что нам с Аполлоновной не по пути, потому что в ней нет любви.

Войдя в столовую и сухо кивнув ей, я уселась перед ее носом смотреть передачу «Дом». Честно говоря, очень дурацкую, тогда это был первый и последний раз. Когда же она попыталась выключить телевизор, я спрятала за спину пульт и победно (а главное – при всех) рассказала старушке про все ее промахи и перегибы, про неуправляемого Славика и испорченный отдых.

«И вообще, главное в христианском деле не все эти глупости, а любовь», – закончила я и удалилась, наслаждаясь ее шоком и источая стервозность.

Всю обратную дорогу мы с Фотинией не разговаривали. И, сдержанно попрощавшись, расстались в Москве. Больше мы никогда не виделись. А душа у меня ноет до сих пор. Да, главное в нашем деле – любовь... А с любовью ли я обличала тогда эту странную пожилую женщину? Обличала за то, что и сама делала?

А еще. «Истина, сказанная с раздражением, – это не истина», – скажет мне позже один умный человек.

Я продолжала ходить в храм, молилась, постилась. Но было уже не так легко, радостно и безумно, как вначале. Я то падала, то вставала, то благодарила Бога за Его милости, то «хлопала дверью» и предавалась светским развлечениям. Часто унывала. Наверное, это было то самое, о чем говорят, что в начале пути Господь держит человека, учит его ходить, а потом отпускает. Чтобы тот шел уже сам.

* * *

Идут годы. Я замужем, у меня уже четверо детей. Как я встретила своего мужа – это отдельная история, и о ней я расскажу через несколько секунд.

Много удивительного и прекрасного случилось за это время. Много чудес подарил мне Господь – больших и маленьких, явных и совсем незаметных. Но, знаете, главного чуда со мной пока не случилось. Я так и не научилась тому главному, о чем говорил когда-то в Крыму отец Иоанн и о чем пишет апостол Павел. Тому важному, чего ждет от меня мой Создатель.

Я так и не умею любить. Не только Бога – Его мы «любим» все и за Него перегрызем глотки кому угодно, – а людей: Фотинию, дядьку, упавшего на мою вербу, алкаша, бомжа и просто прохожего... Любить и прощать всех, несмотря на их ошибки и недостатки. Как любит нас Господь наш Иисус Христос.

А еще меньше я умею любить своих близких – тех, кто от нас терпит больше всех. Я на все обижаюсь и часто обижаю. Без причины, просто потому, что у меня плохое настроение. И мне порой бывает трудно это признать.

Смогу ли я научиться любить? Я не знаю, но очень этого хочу. Ведь только тогда, когда будет во мне любовь – настоящая, которая не выбирает, – я стану действительно христианкой.

А пока... Пока я часто скучаю по тому глупому и прекрасному времени, когда не было сомнений и компромиссов и хотелось бросить к ногам Господа все. По неуправляемой радости в душе, искренности и глупостям, за которые мне шептали вслед про дурдом. Этого уже давно нет, ведь детство быстро проходит, и церковное тоже. А любви надо учиться всю жизнь.

Как я выходила замуж, или Моя Ксения Петербургская

А теперь о моем замужестве. Было это на заре моей церковной жизни. «Заря» же эта приходилась далеко за мои двадцать лет. И как, наверное, любая девушка, к тому же девушка достаточно «взрослая», я очень хотела замуж.

А как новоиспеченная, рьяная христианка из очень далекой от Церкви столичной семьи дипломатов, я мечтала о спокойной жизни где-нибудь в тихом уголке. Желательно вообще в глухой деревне, рядом с монастырем. В окружении кучи детишек и «под предводительством» бородатого православного мужа. О семейной молитве на рассвете, о гардеробе, состоящем из огромного количества длинных юбок и платочков в тон. Об огороде, где будет расти все-все. О долгих монастырских службах, где рядом с нами, родителями, будут стоять шеренгой наши милые послушные детки и тихонько молиться. И о перманентных чудесах...

А еще я решила, что если не создам такой семьи до тридцати пяти лет (в моем представлении это был предел детородного возраста, да и вообще предел всего), то просто уйду в монастырь, что тоже неплохо.

Приняв благообразный вид, то есть сменив джинсы на платье и скромно нацепив платок, не забыв выпустить из-под него кудри – товар лицом, так сказать, – я стала ходить на службы, поститься, молиться и глазеть по сторонам.

Но со временем, как, наверное, все люди, вступающие в церковную жизнь, я не то чтобы поняла – понимала я в этом тогда вообще мало, – а скорее почувствовала, что жизнь эта намного глубже и сложнее, чем мои живописные мечты. Да и бородатые женихи как-то не спешили со своими руками и сердцами. А потом еще выяснилось, что даже при создании православной семьи необходима такая «банальная» вещь, как любовь. В общем, не «екало», когда все же изредка кто-то подходил знакомиться.

Когда я вконец отчаялась и готова была действительно уйти в монастырь, мне в руки попала книжка о святой блаженной Ксении Петербургской – купила в Храме Христа Спасителя. Слышала о ней впервые.

С удивлением вычитала я, что она особо помогает в семейных вопросах. В доказательство были приложены многочисленные свидетельства очевидцев. А на последней странице дан адрес часовни на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге, построенной на месте ее захоронения.

Сейчас же мчаться туда у меня возможности не было – я работала и училась в аспирантуре. Но я решила написать «работникам» часовенки письмо. Обливая искренними слезами многочисленные листы, подробно рассказала им о своей бестолковой жизни.

Стоит отметить, что училась я в театральном вузе, и жизнь там была вполне себе развеселая. Умоляла в письме «передать» все это святой, чтобы она, несмотря на вышеперечисленное и весьма греховное, все же сжалилась и помогла мне выйти замуж.

И попросила почему-то отслужить в часовне панихиду по ней. Что по ком служится, я тогда не вникала, но просила искренне. И подкрепила свою мольбу всем, что было в кошельке. Как сейчас помню – 150 рублей. Пошла на почту и отправила письмо.

Прошло две-три недели, и (о чудо!) я получила ответ. Меня благодарили за пожертвование, все сделано, молебен отслужен и все будет хорошо. И еще в письмо был вложен маленький цветочный лепесток, освященный на могилке Ксении Петербургской. И в тот момент, наверное, впервые в жизни я ни капли не сомневалась, что – да! все будет хорошо, все будет как должно быть.

А еще дней через десять с драгоценным письмом в сумке (с ним я решила не расставаться!) я уезжала отдыхать с подругой и ее мужем Александром – тем самым психологом, который напоил меня чаем с чабрецом, – на Украину.

В последнюю неделю нашего там пребывания они предложили заехать в маленький городок N, откуда был родом Александр. А там – зайти в гости к его однокласснику Вадиму.

Было уже достаточно поздно, мы долго звонили в дверь, она наконец открылась... И на пороге предстал он – бородатый и с крестом! Но и это не главное. Главное – не то что екнуло, а накрыло. О чем мы говорили все весь вечер – не знаю. Помню только, что в голове был туман, на лице – глупая улыбка, а в сумочке – письмо и освященный лепесток.

Мы пробыли в благословенном городе N еще дня три. Все время я умоляла блаженную Ксению сделать хоть что-нибудь. Ведь это он, он! А нам уезжать.

Мы ходили купаться, варили уху, играли в теннис, было весело, но он совсем не обращал на меня внимания.

И вот день отъезда... Я и мои друзья ждали междугороднюю электричку до соседнего города. Там у ребят была квартира, где мы, собственно, и жили весь отпуск и где нам предстояло провести еще несколько коротких дней перед возвращением в Москву.

Оставались минуты до посадки. Обливаясь в душе крокодильими слезами и изо всех сил пытаюсь «держать лицо», я продолжала взывать к святой, так обнадежившей меня своим лепесточком.

У Александра зазвонил мобильный телефон. Коротко переговорив с кем-то, он радостно заявил:

- Вадим поедет с нами, он уже бежит.
- А чего он раньше-то не сказал? – спросила я.
- Он не знал, успеет ли, – объяснил Александр. – Ему нужно было на даче забить кролей. Кроликов разводила мама Вадима.

Меня накрыл такой поток счастья, что это зверское «забить кролей» прозвучало для меня примерно как «пойти на медведя с одним ножом».

«Настоящий мужчина, – думала я, – добытчик! Не то что наши московские хлюпики. Ксения, ну помоги же!»

Прибежал Вадим, мы прыгнули в электричку и поехали.

Не буду тянуть долго, в тот же день он сделал мне предложение, от которого невозможно было отказаться.

- Когда ты выйдешь за меня замуж? – тоном, не терпящим возражений, спросил он.

Практически падая в обморок от счастья, я всем своим видом показала, что хоть сейчас. А он, просияв, признался, что все эти дни был холоден и неприступен, потому что был уверен, что столичная штучка (то бишь я) – это не для простых украинских хлопцев. Но в итоге не сдержался.

Через три дня я уехала, а спустя месяц мой суженый приехал за мной в Москву, похитил и увез в город моей мечты – маленький украинский городок N.

Все знакомые крутили у виска, а я бросила аспирантуру, работу, была влюблена и счастлива. Мы быстро расписались и через два дня обвенчались – в Крыму. А ровно через девять месяцев у нас родилась наша первая дочь Варенька.

Правда, позже выяснится, что жена декабриста из меня, прямо скажем, не очень. Хотя все было как в мечтах – тихая провинция, молитвы на рассвете (если честно, просыпалась я часто со скандалами), длинные службы, а мой драгоценный муж даже пел на клиресе в самом настоящем подряснике.

В общем, прожив там полтора года, мы переехали в Москву. Все это время я вела с Ксенией Петербургской активный молитвенный диалог, то благодаря ее за нечаянную радость, то (в моменты семейных катаклизмов по классической итальянской схеме) доставая заветный лепесточек и предъявляя ему всевозможные требования и ультиматумы.

«И вообще, что я здесь делаю?! – вопрошала я. – В Москве творчество, аспирантура, а я тут сижу беременная и целыми днями уплетаю бедных замученных и засоленных кролей. И отец Евгений (местный настоятель, о котором я много чего расскажу) еще ругает: “Ты, конечно же, непраздная, но кролей в пост – ни-ни. Ибо – грех!”»

А когда мы уезжали, я подарила лепесток одному нашему другу-алтарнику, который долго не мог жениться... Сейчас у него прекрасная жена. И они взяли из детского дома отличного мальчугана.

А у нас с мужем сейчас четверо чудесных детей – четыре девочки. Варя, Соня, Дуня и Тонечка.

Разное бывает в жизни. Но когда проходят обиды, кончаются ссоры и хоть частично иссякают претензии (а без всего этого, в силу природных склонностей, мне никак нельзя), я не устаю благодарить Господа Бога и святую блаженную Ксению Петербургскую за незаслуженный мною дар – мою любимую семью. За это великое чудо, которое со мной произошло.

Мое первое рождество

Что еще можно рассказать о тех моих первых шагах в храме? Все чаще вспоминаю мое первое в жизни Рождество в том украинском городке N и мою первую ночную службу. Да, это действительно было мое первое Рождество.

Я воспитывалась в обычной советской семье, где праздновали Новый год и верили, что как его встретишь, так и проведешь. И поэтому за богато накрытый праздничный стол садились красивыми и добрыми и обязательно в золоте – чтобы такими же и оставаться в следующие двенадцать месяцев. Не всегда получалось, точнее, всегда не получалось. Но в этот ритуал верили свято. Еще записывали на листочке заветное желание, под бой курантов сжигали, кидали пепел в бокал с шампанским и залпом выпивали. Желания тоже чаще всего не сбывались. Но все это повторялось из года в год. А вот о Рождестве и тем более о Боге никто не говорил.

Хотя на Новый год всегда были гости, елка и подарки, я его не то чтобы не любила, но мне, еще девчонке, всегда было в этот день грустно. Не знаю почему.

Нет, вру... В детстве я все же «прикоснулась» к Рождеству. Однажды, когда мне было лет двенадцать, седьмого января я встретила на улице соседку по подъезду. Такую чудную одинокую старушку. Мы с ней никогда не общались, только здоровались. Я ее даже немного побаивалась – из-за ее черного платка. Мне казалось, что где черное – там обязательно смерть.

Смерти я в детстве боялась панически. Помню, меня на лето отправляли к бабушке с дедушкой в Краснодар, и там в это время обязательно кого-нибудь хоронили. Там вообще часто хоронили. Район был старый, и старых людей было много. Прощались традиционно – с шествиями по улице, с оркестром, с похоронным маршем. Я накрывала дома голову подушкой и старалась этого не слышать. Но слышала. И потом несколько дней не могла заснуть.

В общем, мимо той старушки в черном платке я старалась проскочить как можно быстрее, чтобы случайно не «заразиться» смертью. И в тот день мы кивнули друг другу, и я уже собиралась пройти мимо, как бабушка вдруг сказала:

– С праздником!

– С каким? – удивилась я.

– Ну как же! Рождество Христово! – ответила она, достала из сумки что-то завернутое в салфетку и протянула мне.

Я сунула в карман (опять же, с опаской), буркнула что-то благодарственное, а в голове начала «прокручивать» пионерскую «проповедь» о том, что «Гагарин в космос летал, но Бога не видел». Это очень любила повторять наша классная руководительница.

Но вдруг увидела ее глаза. В них было столько любви и какой-то незнакомой для меня радости, что мой рот сам собой растянулся в улыбке. И своим глупым подростковым сердцем почувствовала, что бабушка эта знает что-то такое, чего не знаю я.

Дома, развернув салфетку, я увидела какой-то пряник – таких я никогда не ела. Коричневый, с нарисованным на нем глазурью то ли снеговиком, то ли медвежонком – уже не вспомню.

Я откусила. Это был новый для меня, необычный вкус (это сейчас я знаю, что там имбирь, корица и т.д.), и пахло чем-то радостным. Я вдруг подумала тогда, что так, наверное, пахнет Рождество. Как Новый год – мандаринами. И на сердце стало тепло.

* * *

Но все это быстро забылось. Прошли годы, я оказалась в храме, вышла замуж. И вот она, моя первая рождественская служба в маленьком украинском храме.

Я к ней очень готовилась, ожидая чего-то необычного, волшебного. Чего я никогда не чувствовала в детстве на Новый год. Еще я собиралась причащаться. И нарядилась по случаю праздника в свое самое красивое платье. Но у меня заканчивался второй месяц беременности. Половину службы я провела в своем ослепительном наряде и с обострившимся вдруг токсикозом в прихрамовых кустах.

– Да у тебя духовные проблемы, это бес в тебе сидит и к Богу не пускает, – проскрипела в итоге мне на ухо одна очень «церковная» старушка.

– Беременная, тошнит меня, – оправдывалась я.

– Спорит еще... Смирения в тебя мало, – проворчала бабушка.

Но парировать я не успела и опять помчалась в свои кусты.

Когда, изможденная этими своими токсикозными манипуляциями, я попыталась пристесть в храме на лавочку, какая-то внушительных размеров дама сказала мне: «Молодая еще, постоишь».

Я попыталась объяснить ей, что я беременная, что у меня все болит, кружится голова и вообще я прямо здесь и сейчас упаду и умру. Но она буркнула тоже что-то «очень духовное» и еще шире распределила по лавке свои габариты...

Кто-то толкался. Кто-то на кого-то шипел, чтобы «не лезли в такой момент со своими свечками». Кто-то кого-то все время спрашивал: «Когда же все это закончится?» и «Будут ли подарки?» Кто-то истово крестился, совсем не по-христиански «заезжая» мне по уху своим троеперстием. А кто-то облокотился на меня и заснул. Я отталкивала его, а он ложился и ложился обратно...

В сторонке, прижавшись к стене, почему-то плакала Вера Ивановна – пожилая женщина, давняя прихожанка. И все сморкалась в свой платок, огромный, мужской, синий и некрасивый.

«Зачем она здесь? – думала я. – Вроде люди радоваться должны, а она ревет. И еще платок этот...»

Мне самой жутко хотелось разреветься: все болело, тошнило и хотелось спать – прямо до ломки. Я не понимала ни слова из службы. Я вообще ее не слушала, а дико жалела, что «во все это ввязалась». В общем, ничего волшебного не было и в помине.

– Да ладно, садись, зеленая вон какая, – сказала вдруг женщина с габаритами. Встала и взяла из-под лавки свой костыль, который я раньше не заметила. И тяжело заковыляла к свечной лавке.

– Нет, что вы, сидите, я не знала, – испуганно пробормотала я.

Но она обернулась, улыбнулась и прошептала:

– Христос родился!

«Христос родился!» – екнуло в сердце. И опять вдруг стало тепло, как тогда – с пряником...

Я посмотрела вокруг. Уже никто не шипел, не толкался. Те, кто всю службу проспал, – проснулись.

Я только сейчас поняла, что тот, кто на меня все время падал во сне, – это Катерина Ивановна, бабушка-грузинка восьмидесяти с лишним лет, которая, несмотря на годы, работала в храме бухгалтером и без всяких компьютерных программ виртуозно сводила дебет с кредитом, щелкая своими огромными деревянными счетами. К сожалению, она умерла несколько лет назад.

Она стояла и улыбалась. Всем – мне, людям, Богу. И улыбка у нее была какая-то удивительно детская, чистая.

«Рождество – детский праздник», – вспомнилась мне услышанная где-то фраза. Не знаю, так это или нет, но все вокруг вдруг преобразилось.

Я сама поймала себя на мысли, что ничего уже не болит, а я сижу и улыбка у меня до ушей – прямо дурочка какая-то.

Знаете, я вдруг почувствовала, что в мир пришел Господь. И к той внушительной тете, и к бабушке, которая ругала меня за мой токсикоз и пугала бесами, и к Катерине Ивановне, и к тому истовому молитвеннику, который заехал мне по уху. Ну и что, что заехал, он же не специально! И даже ко мне Господь пришел. Ко мне лично! Пришел и коснулся наших сердец. И стало как в детстве, когда мама обнимает...

А как радовались наши батюшки – отец Евгений и отец Анатолий! О них я обязательно расскажу. Отца Анатолия, нашего духовника, потом переведут в сельский храм, но наши отношения сохранятся, и мы часто будем к нему приезжать.

А тогда они буквально летали по алтарю. И будто не было усталости от долгой ночной службы. Особенно меня поразили отец Евгений. Человек-гора в облачении, он стоял и смеялся, как трехлетний мальчик. А если присмотреться, то в глазах его стояли слезы. Христос родился!

Мы причащались, потом был молебен. Помню, отец Анатолий «расшалился» и буквально окатил меня водой, вместе с моим прекрасным нарядным платьем и макияжем. Да-да... Я так хотела быть в Рождественскую ночь красивой, что даже марафет навела.

Все поздравляли друг друга. Тут же в храме пели колядки.

Колядки... С ними у меня приключился конфуз. Колядок я раньше никогда не слышала и не знала, что они поются на украинском языке. Зато я знала про раскол, про Филарета и про то, что в храмах «Киевского патриархата» служат «на мове».

И вот, услышав в нашем храме «богослужбные песнопения на украинском» (а именно так я восприняла колядки), я решила, что наши батюшки «попутали берега» и ушли в раскол. Я подскочила к отцу Анатолию и начала возмущенно выяснять, в чем, собственно, дело. Он долго смеялся, когда наконец понял, о чем я.

А колядки я в итоге очень полюбила. Жаль только, что здесь, в Москве, эта традиция не так распространена.

* * *

В углу продолжала плакать Вера Ивановна. Но уже не одна, а в обнимку с незнакомой мне молодой женщиной. И обе они сморкались в этот жуткий синий носовой платок. Потом мне рассказали, что это ее дочь Нина, с которой у них не все гладко. А тут Нина еще и забеременела и решила делать аборт. Мужа нет, работа – так себе... Как ни уговаривала Вера Ивановна, дочь – ни в какую. Уже и дату назначили. Поэтому и проплакала женщина всю службу.

Но в эту Рождественскую ночь Нине не спалось. И она встала и почему-то пошла в храм – к концу уже пришла. Пришла, постояла и вдруг сказала матери: «Эх, была не была! Будем рожать!» И теперь они обе ревели – уже от радости. Потому что и к ним пришел Христос!

...Их Мишутке уже лет десять, мама и бабушка на него не нарадуются. Как, собственно, и отчим. Нина через год после родов вышла замуж. И родила Машеньку.

* * *

Вот такая была моя первая ночная рождественская служба. В том родном маленьком городе, в маленьком любимом провинциальном храме. С родными, любимыми людьми, многие из которых разбрелись и по другим храмам, и по другим городам и даже странам.

Распались несколько семей, с которыми мы очень дружили. И я до сих пор не могу в это поверить и отделить их друг от друга. А кто-то уже умер. Но многие и родились.

Но, знаете, где бы я ни оказалась на Рождество, несмотря ни на что, я всегда чувствую эту детскую радость, это волшебство преображения. Этот приход в мир Бога. Как в ту ночь. И знаю, что и для меня родился Христос! Чтобы я вновь стала в душе ребенком – чистым, добрым и счастливым.

Отец Евгений и его чада

Другой мир

Украинский городок N – это чудо в моей жизни.

Не сумев стать «женой декабриста» и сбежав оттуда через полтора года, со временем, повзрослев и успокоившись, я полюбила его всем сердцем, и мы стараемся бывать там каждое лето.

Там мне хорошо, тепло, радостно и спокойно. Там мне «дышится», «любится» и «пишется». Там можно остановиться, оглянуться и прийти в себя после сумасшедшей Москвы.

Смешно вспоминать, как много лет назад я приехала туда, вся из себя мАсквичка, аспирантка уникального вуза, смотрящая свысока на всю эту «деревню». И попала в совсем другой мир – простой и добрый. Мир, который так отличался от моего, столичного – холодного, витиеватого и пафосного.

Где не выживают, не завоевывают, не покоряют, а просто живут. Где не бегут вечно куда-то, отталкивая и не замечая. Где смотрят в глаза и улыбаются. Где каждый день после работы все ходят друг к другу в гости, двери всегда открыты, а столы тут же накрываются. Где людям не все равно, и они обязательно придут тебе на помощь. И где меня сразу же приняли, обласкали и всячески старались, чтобы мне было хорошо. И обсудили, конечно, ну как же без этого...

Возможно, я идеализирую. Даже скорее всего. Но в кругу людей, в котором я оказалась, было именно так.

Там наши друзья, кумовья, крестники. Там маленький и родной храм с его провинциальными «катаклизмами», где я начала по-настоящему учиться церковной жизни.

Там родные прихожане и церковные бабушки, которые, как водится, принимают активное участие в жизни других и которые сразу взяли меня под опеку. Потом каждый раз, когда я туда приезжала, я боялась: а вдруг кого-то из них уже нет?

Как же я скучаю по всем этим людям! Да, все это есть у меня сейчас и здесь, в Москве. Но половина сердца все равно там, на Украине.

Там началась моя семейная жизнь с ее жесткими притирками. Там была очень трудная первая беременность и в простом провинциальном роддоме появилась на свет наша старшая, Варвара. И там прошли первые месяцы ее жизни, такие сложные и такие дорогие.

Там наш любимый батюшка, отец Анатолий, – друг, духовник и просто близкий человек, к которому можно было прийти в любое время и в храм, и домой. И за решением проблемы, и просто попить чайку с ним, матушкой и их детьми на их маленькой кухне. Сколько всего было говорено-переговорено и выплакано на этой кухне. Сколько всего вкусного съедено. И как было уютно и тепло. Батюшка сам прибегал к нам, если нужно было помочь, помирить, утешить, сделать внушение, отругать.

Там отец Евгений, местный настоятель, – человек строгий и добрый одновременно, у которого великий дар – спасать и обращать в веру. На приходе у него я познакомилась с разными интересными людьми. И всегда поражалась тому, какими же удивительными путями ведет к Себе человека Господь.

Жизнь смешного человека

Сергей и Дуся. Их я впервые увидела в городке N, в том самом храме у отца Евгения в один из моих приездов. И сразу обратила на них внимание.

Она была в белом платье, тоненькая, нежная и солнечная, как ромашка. А он, интересный, похожий на поэта, смотрел на нее влюбленными глазами и то поправлял ее сбившийся платок, то пытался поддержать под локоть, чтобы ей было удобней стоять, то просто улыбался ей. И она улыбалась в ответ.

Был какой-то летний церковный праздник – Петра и Павла или Успение Богородицы, сейчас уже не помню. И после службы настоятель отец Евгений пригласил всех в трапезную разделить с ним «нехитрое угощение».

«Нехитрое украинское угощение» – это тема отдельного бесконечного рассказа. Скажу только, что матушка Ирина и прихожанки постарались. А украинские женщины умеют готовить как никто, поверьте мне. Чего стоят эти их вареники с картошкой и зажаренным лучком или карасики в сметане. Или борщ с румяными пампушечками с чесноком и смальцем. В общем, каждая принесла что-то свое, коронное, самое-самое.

Сели.

– Есиповна, пупочек, пупочек курячих попробуй, – кричала кому-то полная румяная женщина.

– Эх, наливочка, – удовлетворенно крикнул какой-то бородач.

– А шо это вы ничего не кушаете? – закудаhtала надо мной одна из местных прихожанок. – Таки худесеньки...

Я поела, выпила домашнего вина (отменного, скажу я вам) и сидела расслабленная и умиротворенная.

Но главное было не это. Главное то, что за этим умопомрачительным столом я оказалась рядом с Дусей и Сережей. Отец Евгений нас познакомил, и мы дружим уже десять лет. И до сих пор я не перестаю удивляться, глядя на этих людей, чья великая любовь победила смерть.

* * *

Сережа никогда не пользовался успехом у девушек. Он был каким-то не таким... В общем, не был героем. И принцем тоже не был. А Людка из соседнего подъезда, местная пышногрудая красавица, за которой бегали все окрестные парни и за которой даже какое-то

время неуклюже пытался ухаживать Сергей, вообще называла его лохом. Она прямо так и кричала на всю улицу, когда он проходил мимо: «Эй, лох, привет!»

Сережа не пил, не курил, много читал, разве что на скрипочке не играл.

Пока продвинутые пацаны тусовались во дворе с магнитофоном и не менее продвинутыми девчонками, в том числе и с Людкой, Сергей копал огород на даче у родителей и менял судно у своей старой и любимой бабушки Нины. А еще вывозил ее гулять в инвалидной коляске. «Лох, иди пивка выпьем!» – звали его ребята, а он виновато улыбался и катил бабулю дальше.

Нет, конечно, у Сергея были друзья. Но такие же, как и он, не от мира сего. Они смотрели Тарковского, читали Омара Хайяма, листали часами альбомы живописи и говорили о китайской философии. И тоже возились с какими-то древними бабушками.

А еще Сережа все время мечтал. О чем – неизвестно. Но это стоило ему шрамов на лице, когда он, задумавшись, протаранил лбом стеклянную дверь магазина. И подбитого глаза, когда, засмотревшись на живописно плывущие по небу облака, свалился в яму прямо на головы копошащихся там строителей, мужиков простых и несентиментальных, которые тут же объяснили парню, зачем нужны глаза.

«Как же ваш сын будет жить? – спрашивали его родителей знакомые. – Он такой...» Папа с мамой, обычные работяги, не понимающие всех этих Сережиных тонких душевных движений, только беспомощно разводили руками.

А Сережа еще и поступил на философский факультет, в связи с чем продвинутые пацаны района и Людка с подругами сделали глубокомысленный вывод: «Не, ну точно псих!» Тогда, в 90-е, в моде было совсем не это. Тем более в маленьком украинском городке.

Несколько раз родители пытались женить Сережу на прекрасных дивчинах, гарных, как та Людка, румяных и хозяйственных. Но когда, вместо того чтобы проявить свою мужскую сущность, он предлагал им «полюбоваться палитрой красок на закате» или спрашивал: «А что вам ближе всего из Феллини?» – потенциальные невесты быстро испарялись. А Сергей особо и не расстраивался. Казалось, что он вообще охладел к вопросу взаимоотношений полов.

* * *

Учиться он уехал в Киев. Днем сидел на лекциях, ночами работал сторожем. Читал и мечтал. А однажды он забрел в Киево-Печерскую лавру. И понял, что это его.

Воцерковление Сергея было безудержным и неистовым. Он переделался во все черное, отрастил бороду и волосы до пояса, чем со спины напоминал русалку (локоны у него были шикарные, любая девушка позавидовала бы), всячески подражал монахам, везде таскал с собой огромную Псалтирь и мечтал теперь исключительно о Царствии Небесном.

Когда в таком виде он в один прекрасный день приехал домой на каникулы, родители, люди нецерковные, сперва от неожиданности стали звать его на «вы», а потом робко поинтересовались: «У вас шо, на философском факультете так положено?»

Когда же Сергей своим тихим голосом заговорил с ними об адских муках и возможности спасения и заунывно спел молитву перед едой, а потом стал крестить еду и все вокруг, мама испуганно засуетилась и начала подкладывать ему «голубчиков» и тех самых куриных «пупочек в сметане»: «Кушай сынок, может, отпустит».

А папа очень расстроился, когда Сережа отказался выпить с ним за встречу горилки, назвав ее вражеским зельем. А еще удивился – ведь сын всегда был таким послушным и отцу никогда не перечил.

Людка же, вышедшая к тому моменту замуж, увидев Сергея во дворе, вместо коронного «Привет, лох!» пробормотала с испуганным поклоном «здрасьте!». И, охая, схватилась за свой беременный живот.

* * *

А однажды Сергей решил съездить в Москву – по святым местам. Каким-то ветром его занесло в единоверческий храм.

И как когда-то он с головой уходил в китайскую философию, потом с трепетом и слезами на глазах «открывал» для себя Бога на службах в Киево-Печерской лавре, так и теперь он бесповоротно почувствовал, что истина здесь и нигде больше.

Через несколько дней он уже был переодет в косоворотку, которую купил на Рогожском рынке, подпоясанную плетеным ремешком, и суровые кирзовые сапоги, несмотря на летнюю испепеляющую жару.

Он почти под ноль сбрил свои шикарные волосы (ведь староверы длинных не носят), и теперь его голова сильно напоминала киви. На все свои сбережения он приобрел уйму книг по знаменному распеву и отныне и навеки презрел ноты. Деньги на возвращение в Киев ему дали в том же староверческом храме. При условии, что он будет популяризировать знаменное пение.

Всю обратную дорогу Сергей страшным голосом тренировался в тамбуре петь по крюкам, из-за чего чуть не был высажен проводниками за нарушение общественного порядка.

Теперь он часами с восторгом мог говорить о поморах. И мечтал о суровой подвижнической жизни на Белом море. Над ним смеялись, а он, как и раньше, когда его звали пить пиво, лишь виновато улыбался и утыкался в свои крюки. В таком виде Сергей через какое-то время и предстал перед удивленными очами своего духовника из Киево-Печерской лавры отца Антония.

Видавший виды старенький монах и раньше был озадачен бурным духовным возрастанием своего вроде бы тихого чада. А тут и вовсе опешил. Но, как человек в этих вопросах опытный, в конце концов сумел переодеть Сергея в мирское, повернуть его мечты в более современное русло и убедить окончить философский факультет, который тот твердо решил бросить.

И парень даже отрастил романтическое каре, которое ему очень шло и делало его похожим на поэта. Таким я и встретила его через несколько лет в храме у отца Евгения.

* * *

А пока шло время. Неофитские штормы закончились, и церковная жизнь Сергея вошла в спокойное русло. Верил в Бога он теперь тихо, без закидонов, но искренне и как-то по-детски.

Он много молчал, так же, как и раньше, все время о чем-то мечтал и всегда старался всем помочь. И был настолько критически безотказным и необидчивым, что даже церковные старушки называли его «святенький ты наш».

Но и сейчас его почему-то никто не воспринимал всерьез. Не было в нем этого... героического.

Он давно окончил институт и нашел работу в Киеве. Как ни странно, очень хорошую. А в свободное от этой работы, лаврских служб и помощи всем подряд время он любил петь на клиросе в одном маленьком храме при больнице. А еще иногда помогал уборщицам, которые звали его между собой «малахольным», мыть там коридоры. И ходил с батышкой по палатам, когда тот причащал.

Так он и встретил Дусю.

* * *

Дуся умирала. В принципе, вся ее жизнь уже много лет была сплошным умиранием. У нее с рождения было заболевание почек. А в пятнадцать лет ей их удалили. Сразу обе. Дважды девушке пытались подсадить почку, хотя бы одну, но она отмирала прямо на операционном столе. Теперь, чтобы хоть как-то жить, Дуся должна была три раза в неделю делать гемодиализ. И так годами. Но организм устал и уже не справлялся. Она была очень слаба, ела через катетер и совсем не вставала с кровати.

Сергею очень захотелось как-то помочь этой несчастной девушке. Он стал приходить к ней, приносил подарки, иконки. Рассказывал о Боге, о лавре, о себе. А она – о себе. И о море книг, которые прочитала, пока годами лежала в больницах. И вместе они мечтали. Я не знаю, о чем может мечтать умирающая девушка, но они с Сергеем друг друга понимали.

Когда она, уставшая, засыпала, он тихо молился у ее кровати.

А однажды Сережа привел к ней батюшку. Впервые в жизни Евдокия исповедалась и причастилась.

Как-то Сергей пришел в больницу и увидел, что Дусина кровать пуста. И матраса нет. Так обычно делают, когда кто-то умирает.

Он бегал по коридору как обезумевший и кричал:

– Где? Где она?!

– Да все хорошо с твоей любимой, – сказала, улыбаясь, старенькая санитарка. – В другой палате она.

И добавила про себя: «Малахольный».

– Любимой? – удивленно повторил Сергей.

А ведь и правда – любимая.

В тот же день Сергей сделал Дусе предложение. А на ее удивленный взгляд ответил: «Ты встанешь, и мы поженимся».

Через неделю Дуся попросила врачей убрать ее катетер, и Сергей начал кормить ее с ложечки, как маленькую. Он делал ей массаж затекших рук и ног и возил на коляске гулять в больничный сквер. И в храм.

Дуся окрепла. Однажды встала с инвалидной коляски и пришла в храм, опираясь на руку сияющего Сергея. А потом сама. Начала петь с ним в церковном хоре. Быстро уставала, но с каждым днем ей становилось все лучше.

Там же, в больничном храме, их и обвенчали. А вскоре Дусю выписали.

Ей все так же приходится приходить три раза в неделю на гемодиализ. Но теперь с ней Сергей. Он заботится о ней. И любит. И она любит. Живет и счастлива. Теперь Дуся превратилась в какую-то сказочную красавицу. К удивлению врачей, которые только разводят руками.

Сергей и Дуся много путешествуют. Естественно, по тем местам, где Дуся может делать свои процедуры. И все, кто их знает, смотрят на них с улыбкой и говорят: «Какие же они молодцы! А Сергей-то, оказывается, какой... Заботливый, сильный... Герой».

* * *

Когда мы познакомились, Сергей и Евдокия заскочили на пару дней к его родителям в городок N, где он вырос. И уже собирались уезжать, но перед отъездом зашли на службу.

Эту историю тогда, за праздничным столом у отца Евгения, они мне сами и рассказали. Они и... Людка. Да, да, та самая разбитная пышногрудая красавица Людка из соседнего подъезда, которая сидела напротив.

Она пополнела, уже пару раз побывала замужем, и оба раза ее бросили «продвинутые пацаны с района». Теперь она растит сына одна, воцерковилась и много помогает отцу Евгению.

Она грустно смотрела на Сергея с Дусей и вдруг сказала: «Знаешь, Сереж... Это не ты лох. Это я лох. Где же были мои глаза! Ты такой... Такой... Да не бойся ты, Дусь! Он на тебя вон не надышится».

А Дуся сидела тоненькая, нежная и солнечная, как ромашка. Сережина мечта. А он то поправлял ей платок, то наливал компот, то что-то шептал на ухо. И оба они улыбались. Людке, друг другу, отцу Евгению, всем вокруг... И той прекрасной жизни, которая ждет их впереди.

Гарна дивчина и Питер Бабангуда

Маленький украинский городок волновался. Он и раньше волновался, но как-то привычно, без экзотики.

То начинающий православный христианин Ванька Коноваленко (будущий батюшка, кстати) опять выпил лишнего и отправился к баптистам обращать их в истинную веру. Не устраивало его, что те «уже в раю», – ведь «Царство Небесное нудится»!

Среди баптистов тоже есть горячие парни. И в итоге богословские споры закончились совсем не христианским рукоприкладством. И отцу Евгению на пару с пастором пришлось вытаскивать своих духовных чад из участка.

То Ирка из седьмого подъезда в третий раз разводится с одним и тем же мужем – непутевым бабником Колькой. Но ведь опять простит. И на радость гостям отгуляют они четвертую свадьбу. И будут жить душа в душу. Года два. До нового Колькиного вскрывшегося адюльтера и громкого скандала, который будет внимательно слушать вся улица. Ну и очередного развода...

То у бабки Параскевы опять украли на даче всех кролей. И она мчится в милицию и вопит на весь город: «И шо ш я тепер буду йисти?!» И почему-то проклинает «ворюг-цыган», которых в этой местности никто никогда не видел...

В общем, все здесь всегда стабильно и предсказуемо. Даже волнения.

Но на этот раз в маленьком украинском городке случилось нечто из ряда вон выходящее. К Олеське Пасюк приехал жених. Питер Бабангуда! Из Нигерии!

* * *

Несколько лет назад черный как смоль Питер уехал из своей Африки в Киев учиться на врача.

Собирали его всем родным кварталом города Майдугури. Жителей этой местности то и дело косит то понос, то золотуха, то малярия, то кусают какие-то зловредные змеи и злокозненные насекомые.

Одноплеменники Питера очень хотели своего хорошего доктора, который всех спасет. И выбрали для этой почетной миссии его.

Учиться Питер любил. Но еще больше полюбил славянских девушек. «Царыца», – говорил он вслед каждой второй и восхищенно цокал языком.

А однажды на улице он увидел Олесю, гарную украинскую дивчину. Красавицу, как из сказки. Сама из провинции, она гостила здесь у подруги.

Питер Бабангуда был сражен наповал длинной русой косой, бездонными голубыми глазами и всем остальным, не менее прекрасным, чем природа в избытке ее наградила. Да так сражен, что даже забыл сказать «Царыца!». А язык у него вообще отнялся.

Он шел рядом с Олесей и глупо и широко улыбался. Она даже засмотрелась на его неестественно белые зубы, казавшиеся еще более белыми на фоне иссиня-черной кожи. Парень воспринял это как ответный знак внимания. И тут же купил у какой-то старушки огромную охапку роз и вручил красавице. Так они познакомились.

Питер проводил Олесю домой, а потом всю ночь бродил по Крещатику и предавался грезам любви. А на следующий день, дождавшись ее у подъезда, под бой барабана, который притащил с собой, и в своем каком-то национальном костюме сплясал девушке невероятный африканский танец.

– Это нигерийский танец любви, – объяснил Питер.

Из окон хлопали, из машин сигналили, а какие-то прохожие даже пытались сунуть африканцу деньги.

Такой сметающей все на своем пути романтики Олеся у себя в родном городке никогда не видела. И дрогнуло девичье сердце.

Каждый вечер они вместе гуляли. И Питер бросал яростные африканские взгляды на всех, кто смел с симпатией смотреть на Олесю. И так угрожающе раздувал свои пышные ноздри, что соперники тут же ретировались.

«Отелло ты мой!» – ласково ворковала Олеся, прижимаясь к Питеру. А он таял, терял голову и был где-то на небесах.

Но настала пора Олесе возвращаться в свою украинскую глубинку. Они проплакали всю ночь и клялись друг другу в вечной любви.

Питер звал ее в свой родной Майдугури. Но Олеся знала о той местности только то, что «в Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...». И что-то помнила из уроков географии. И боялась...

«Я к тебе приехать, обязательно приехать», – кричал вслед уходящему поезду бегущий по перрону Питер. Падал, вставал и бежал дальше.

Она смотрела в окно, и сердце ее разрывалось. А соседи по вагону наблюдали всю эту мелодраму и недоуменно пожимали плечами: «Ишь ты... Красавица и чудовище»...

* * *

Питер Бабангуда слово сдержал.

В один прекрасный день родители Олеси, простые украинские работяги, были, мягко говоря, озадачены, когда на пороге их квартиры возник классический африканец с букетом цветов, кучей подарков и ослепительной белозубой улыбкой.

Олеся о его приезде знала, но родителям сказать не рискнула.

– Я Питер Бабангуда из Нигерии, приехал жениться на ваш дочь, любить и иметь много детей, – выпалил Питер заранее подготовленную фразу. Очень убедительную, как ему казалось.

– Откуда ты приехал любить наш дочь? – вытаращил глаза будущий тесть Иван Тарасович.

– Много детей? – ахнула потенциальная теща Мария Даниловна и схватилась за сердце.

– Питер! – кинулась на шею любимому счастливая Олеся.

– Иван, я прошу, только без рук. Иностранец. Международный скандал, – повисла на локте мужа Мария Даниловна.

– Шо? Ты хто такой? – прорычали хором два Олесиных брата-каратиста Кирилл и Алешка.

– Жених-то – загляденье! Совет вам да любовь! – ехидно прошамкала беззубым ртом в приоткрытую дверь соседка баба Поля, имевшая обыкновение за всеми подглядывать и подслушивать.

– Так, спокойно! Заходим, дома поговорим, – первой взяла себя в руки Мария Даниловна. – А ты, баб Поль, иди отдохни. Антракт!

Но баба Поля отдыхать не пошла, а с неожиданной для ее почтенного возраста резвостью помчалась по товаркам разносить потрясающую новость: Олеська Пасюк выходит замуж за африканского аборигена из племени людоедов.

И заволновался городок. Такого здесь еще не бывало!

А в это время на кухне у Пасюков шел «совет в Филях». Иван Тарасович с каратистами Кириллом и Алешкой молча и мрачно тянули пальмовое нигерийское вино, которое Питер привез им в подарок. Оно казалось им слабоватым и каким-то «бабским», поэтому положительного мнения о женихе они еще не составили.

Тихая всегда Олеся проявляла редкую непреклонность:

– Или соглашайтесь, или сбегу в Майдугури! Или вообще уйду в монастырь! Отец Евгений благословит!

Отец Евгений был местным батюшкой и духовником Пасюков.

– Ну а что, вроде парень-то неплохой. Приехал вон по-хорошему, подарков привез. Ну черный, и что? – проговорила Мария Даниловна, любовно поглаживая какую-то замысловатую и очень красивую нигерийскую ткань, которую Питер вручил ей на сарафан.

– А что люди скажут? – проворчал Иван Тарасович.

А Питер сидел, улыбался и любовался на свою красавицу Олесю. Он точно знал, что без нее ему жизни нет. И он сделает все, чтобы они были вместе. И даже выпил залпом рюмку самогона, которую, для проверки «профпригодности», вручил ему Иван Тарасович. И заулыбался еще шире.

* * *

Было решено обратиться за советом к отцу Евгению. Случай-то нестандартный. Отец Евгений сначала попытался Питера и Олесю отговорить.

– Понимаешь, брат, люди у нас простые, неотесанные, к иностранному не приученные. Еще скажут что-нибудь... нетолерантное.

Но, проговорив с молодыми около двух часов, только руками развел: «Любовь!» И призвал родителей с братьями-каратистами смириться и принять все как Божью волю. И определил дату присоединения католика Питера к православию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.